

⁸² Бессонов П. А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. Т. I. М., 1871. С. 125.

⁸³ Бутова Е. Указ. раб. С. 39—40.

⁸⁴ Седых К. Ф. Указ. раб. С. 207; Шишков В. Я. Указ. раб. С. 149.

⁸⁵ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 160.

⁸⁶ Токарев С. А. Эротические обычаи//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 98.

⁸⁷ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 121.

⁸⁸ Григорьев В. М., Григорьева Л. И., Довженко Г. В. Украина//Игры народов СССР. М., 1985. С. 103.

⁸⁹ Терещенко А. В. Указ. раб. С. 355.

⁹⁰ Бессонов П. А. Указ. раб. С. 125.

⁹¹ Карский Е. Ф. Белорусы. Т. III. М., 1916. С. 139.

⁹² Гроздова И. Н. Народы Британских островов//Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы. Летне-осенние праздники. Конец XIX — начало XX в. М., 1978. С. 80.

The Snow Fortress («Gorodok») Siege (Folk Russian Games of the Winter Cycle)

Taking of a snow fortress as a traditional Russian game of battle arts type is considered. This kind of a sportive folk competitions often preserve archaic cultural elements. The origins of the game and its local variations are described.

B. V. Gorbunov

© 1994 г., ЭО, № 5

В. Н. Шапошников

СТРУКТУРА ПИСЬМЕННЫХ ПАМЯТНИКОВ И СЕМАНТИКА ЭТНИЧЕСКИХ ЗНАКОВ («УЛИЧИ»—«ТИВЕРЦЫ»)

Древним этнонимам, равно как и скрывавшимся за ними этносам, посвящена обширная научная литература. Но до настоящего времени найдется не так много этнонимов, вопрос о которых считался бы решенным. Более того, имеется немалый массив этнических знаков, в исследовании которых ученые придерживаются весьма несходных, а порою взаимоисключающих мнений, касающихся этимологии названий, территории и времени расселения этносов. В этой связи становятся актуальными следующие задачи изучения проблемы: рассматривать этнонимы, отыскивая их знаковые взаимосвязи и, опираясь на них, раскрывать содержание; анализировать принадлежность этнонимов к системе и выявлять признаки этой системы; интерпретировать имена с учетом структуры письменного источника — той реальности, в составе которой они, собственно, и стали известны; проследить связи этнонимов не только как внутренние закономерности отдельного источника, но производить структурный анализ списков и редакций памятников, сопоставление структурных характеристик разных памятников.

Согласно представлению, складывающемуся из сообщений летописей, имена, которые принято обозначать формами «уличи» и «тиверцы», занимали в славянском мире особое положение. Загадочность племени уличей и немногочисленность положительных сведений о них, этимологическая непрозрачность названия «тиверцы» — едва ли не к этому сводится в основном момент

согласия между учеными. По кратким определениям последнего времени, «тиверцы — восточнославянское племя на Днестре», а уличи — это «восточнославянское племя, часть которого в конце IX — начале X в. переселилась из Поднепровья под натиском кочевников в Нижнее Поднестровье»¹. Этот вывод интерпретируется разными дисциплинами; но, например, на базе археологических разысканий он не представляется окончательным и единственным². К тому же отметим, что если археологи и склоняются к подобной точке зрения, то они опираются не только на собственный материал, но и привлекают сообщения письменных памятников. Методологическая оценка информации материальных памятников содержится в резюме В. В. Седова: «Данных слишком мало, чтобы очертить ареал уличей... Пока очертить территорию уличей по археологическим данным нельзя»³.

Мнения ученых об уличах и тиверцах, начиная с прошлого века, расходились по ряду вопросов. При трактовке вопроса о географическом расселении загадочных уличей мнения колебались между территорией Поднестровья (Н. П. Барсов и др.) и Поднепровья (А. А. Шахматов). Нет и полного единства в хронологической датировке заселения: в отличие от цитированной, высказывалась мысль о более позднем (в середине X в.) переселении на Юго-Запад⁴ или, наоборот, о значительно более раннем пребывании их там⁵. Наконец, исследователи опираются на разные формы этнонима: употребляется не только этноним «уличи», но и «улучи», «угличи», однако и ими не исчерпывается набор текстовых форм. Относительно тиверцев высказывалось даже предположение, что это не славянское, а тюркско-печенежское племя (А. И. Соболевский).

Предметом спора является и вопрос о происхождении этнонимов, о чем свидетельствует обширный и разнородный этимологический багаж; различия сводятся не только к конкретным несовпадениям версий, но затрагивают самое качество этимологических решений. Ранняя этимология приводила имя уличей к общему географическому понятию, выражавшемуся у славян термином «лука». Последний мыслился не только как изгиб берега, но и как территория у изгиба моря или реки⁶. Данное уточнение в какой-то мере снимает противодействие того фактора, что «понятие „залив“ летопись передает греческим словом „лимень“ и лишь позднее прибегает к слову „лука“»⁷.

При уточнении этой этимологии расхождение между Ж-лЖка и у-улучи объяснялось поздним характером летописной преобразованной формы этнонима «улучи», которая, по мнению исследователей, со временем могла превратиться даже в «уличи»⁸. Но остается в обстоятельстве, что слово «лука» фиксируется на несколько более позднем летописном этапе; текстовых сближений рассматриваемого этнонима с данным географическим термином не обнаружено. Кроме того, принятие приставочной структуры накладывало бы хронологические ограничения: приставочное словообразование является относительно поздним способом (в летописном корпусе имеется только одна сходная единица — «поморяне», признаваемая позднейшей⁹; к тому же последняя вряд ли образована непосредственно с помощью приставки, но более вероятно, что с помощью суффикса от готового географического названия).

Другая этимология приводит славянский этноним также к географическому, но иному понятию — угол. В. Кипарский, подразумевая под данным именем славянское племя в древней Бессарабии, связывал его со ср.-греч. ογγλος, слав. *ogľь, тур. Budzak. Попутно в современном топониме «углич» хельсинкский ученый видел *Ogьльсь как обозначение колена Волги¹⁰.

В дальнейшем эту этимологию капитально преобразовал О. Н. Трубачев. Он обосновал не только этимологическое значение, но и иное реально-семантическое наполнение этнонима, связав понятие угла не с морем, но с взаиморасположением рек¹¹. Исследователь отметил слияние на юге Днестра и Буга, но наряду с тем поставил «вопрос о связи уличей с другим Углом — на Днепре», что «еще

задолго до перехода к Черному морю уличи уже жили в местности Угол». Эта концепция включает не только одну форму «угличи», но также и форму «уличи». О. Н. Трубачев объясняет последнюю тюркско-славянской интерференцией.

При интерпретации иноязычных контактов возникали и мнения, сводящие этноним «уличи» к неславянскому самоназванию, «иранскому или угорскому, но вероятнее всего тюркскому»¹². Наиболее конкретное выражение эта тенденция получила, например, в построениях Б. В. Кобылянского, однако он приходит к другой форме этнонима (из «улус»); оценка данной гипотезы, а также этимология О. Н. Трубачева содержатся в работе М. Л. Худаш¹³.

Последняя современная этимология отправляется от другого словообразовательного критерия, для этого избирается форма «уличи». Суффикс -ич- истолковывается в ином — патронимическом — ключе, и производящая основа выбирается не из апеллятивной лексики, а из ономастики — собственное имя Уль как возможное сокращение славянского антропонима. Автор гипотезы М. Л. Худаш считает, что прочие функции суффикса -ич- («выходцы из некоторой местности») вторичны и развились из патронимического значения (специально обсудить вопросы словообразования в данной статье не представляется возможным, однако назовем среди «других» форму Новгородской первой летописи (далее — Новг. I лет.) «угльче»). Еще раньше этноним приводился к другому имени — Улут — при соответственной «основной» форме «улутичи»¹⁴.

Название «тиверцев» признается этимологически непрозрачным в силу отсутствия прямых, близких фонетических соответствий. Предпринимались внутрисистемные, т. е. славянские, прочтения, которые сводились к поискам сходного географического названия (река и город Тверь, древний топоним на Подолье Тивров), из нарицательной лексики — «твердь» (против него выступал Г. А. Хабургаев)¹⁵.

При трудностях внутрисистемной этимологизации предпринимаются попытки межсистемного обоснования. Привлекался иранский материал: название Днестра *Tiras* и пр.¹⁶ В этих случаях надо рассчитывать на довольно древнее происхождение названия, а также на то, что славяне услышали и воспроизвели по-своему и иранскую основу (ср. наряду с формой «тиверцы» неоднократное летописное «тѣверци», ср. также в древнерусском языке специализированный суффикс отгидронимных названий (бужане, полочане). Это утверждение трудно согласуется с отсутствием сходного названия в соответствующих западных памятниках, хотя там фигурируют этнонимы данного региона (например, *Χρωβάτοι*. Константин Багрянородный; далее — Конст. Багр.).

Существующие этимологии этнонимов используют ту или иную аргументацию, основанную на различных сторонах письменных сообщений. Однако взаимная критика, заложенная в приведенных концепциях, подчеркивает, что они не охватывают явления во всех его взаимосвязях. В дальнейших поисках попробуем взглянуть на этнонимы в реальности их текстового бытования. Уточнение и оценка имеющейся информации возможна при детальном анализе композиции летописных вариантов и иных памятников, их сопоставлении, что позволяет наметить классификацию источников.

I. «Повесть временных лет» упоминает улечей всего два раза, а тиверцев — четыре. Первое сообщение — в предхронологической части: «А Оулучи Тиверьци съдѡху бо по Днѣстру. ѡли до морѡ. суть гради их. и до сего дне». [Лаврентьевская летопись. 5. Далее — Лавр. лет.]. Иные сведения об их расселении сообщаются другими старшими памятниками: «А Оуличи Тиверьци съдѡху по Бугу. и по Днѣпру. ѡли до морѡ.». [Ипатьевская летопись. 6. Далее — Ипат. лет.; Радзивилловская летопись. 6. Далее — Радзив. лет.].

Приведенная группа сообщений имеет внутри себя различия по двум основаниям: формальным особенностям «уличи-уличи» соответствуют предметно-смыс-

ловые расхождения. Налицо разные географические ориентиры, обнаруживающие две древние концепции если не расселения улличей, то, по крайней мере, топографической привязки их этнонима. Лавр. лет. связывает улличей только с Поднестровьем без упоминания других (sic!) областей; Ипат. и другие летописи связывают улличей с более широким регионом, простирающимся с Юго-Запада до Днепра. В последнем блоке формально выделяется Радзив. лет., в качестве одной древней конъектуры она дает форму «уллучи».

На месте этого дохронологического упоминания улличей/улличей ряд источников, которым в принципе знаком рассматриваемый этноним, предъявляют не форму «улличи», но совершенно другие и иначе ориентированные. Таковы списки Софийской I летописи (далее — Соф. I лет.), где мы находим «лутичи». Концептуально важно и то, что в Ипат. лет. дохронологический экземпляр этнонима переправлен в «лутичи», а в Радзив. лет. сверху другими чернилами дописано «-ти-», так что получилось «улутичи». Это своего рода сближения инициал улличей с гнездом «уллучи».

Наряду с отмеченными различиями Лавр. лет., Ипат. лет. и все остальные соображения обнаруживают общую — хронологическую — черту: летописная композиция трактует улличей/улличей в Причерноморье не как поздних пришельцев. Хотя летописная память может иметь и собственные измерения, но, по текстам, улличи не только не новоселы в Поднестровье, а, скорее, наоборот, поскольку летописец отметил: «есть города их и до сего дне». Хронологическое исчисление этого «обустройства» не безразлично к тому обстоятельству, что, как подчеркивал О. Н. Трубачев, улличи «исчезли очень рано — в сущности до начала письменного периода русской истории»¹⁷.

Что касается положения рассматриваемой микроструктуры в общей системе летописной этнонимии, то уже в этом первом упоминании сообщается ее определенная отъединенность: они прозваны греками Великой Скуфью. Таким образом, летописные этнонимы причисляются к античному тезаурусу этнографических представлений и соответственно географически отстоят от предшествующих элементов описания.

Второе (а для улличей последнее) сообщение в означенной группе летописей по своей структуре и базовым признакам отличается от приведенного выше. Это уже датированная запись — 885 годом. По сравнению с другими летописями в ней складывается иной набор знаков: о первом сообщении напоминает только форма «улличи», но она фигурирует лишь в двух памятниках, а кроме формы «тиверьци» появляется форма «тѣверци»: «А со Оулличи Тиверьци имѣше рать» [Ипат. лет. 10; Лавр. лет. 8 об.: с Улличи Тѣверци]. Эта фраза находится в контексте сообщения также о древлянах, полянах и радимичах, которыми, не в пример улличам и тиверцам, Олег к тому времени уже «обладал». Если взять все этнонимы этого сообщения, то они взаимосвязаны отношениями разной модальности, смысловой доминантой которых является социально-политический признак. По этому признаку, аналогично этнографической оппозиции первого сообщения, улличи и тиверцы не сливаются не только с привычными днепровскими полянами-древлянами, но даже с радимичами.

Заметим, что в Соф. I лет., в тексте которой при первом употреблении этнонима произошел его формальный отрыв от парадигмы (см. сводную таблицу-вывод ниже), подобная запись отсутствует; по этому признаку она смыкается со следующей группой памятников.

Можно наметить некоторый предметно-логический итог изучения сообщений выделенной группы источников, прежде всего, касающийся этнонима «улличи». В первом свидетельстве идет речь о юго-западных по отношению к днепровскому региону неднепровских племенах. Лишь согласно Ипат. лет. и Радзив. лет., улличи и тиверцы распространены с Юго-Запада на восток до Днепра, но от этого юго-западная отнесенность этнонимов не утрачивается. Наиболее

продвинутыми на юго-запад этнонимы оказываются согласно той же Ипат. лет., которая упоминает их земли вплоть до Подунавья. Словообразовательной приметой данного блока выступает форма, упоминаемая Лаврентьевской, Академической (далее — Акад. лет.), Троицкой (далее — Троиц. лет.) летописями, — «улучи».

В структурах второго сообщения форма «улучи» исчезает повсеместно, уступая место другим написаниям — «уличи» и «суличи». Они, в особенности последняя форма, реально подтверждают выделимость конечного форманта -ичи. В семантике этнонима можно почувствовать какое-то днепровское звучание, однако это не столько собственное звучание, сколько резонанс от окружения микроструктуры. И в этом упоминании нет безусловных и явных свидетельств об исключительно днепровском проживании улочей-тиверцев, как и вообще отсутствует их географическая характеристика. Они не сливаются с днепровской группой и социально-политически. Их имена в текстовой структуре отъединены от «классических» днепровских этнонимов, и опять они выступают обособленно в своем смысловом блоке. Учитывая появившиеся здесь формы «суличи/посуличи», «тѣверци», вместе с исчезнувшими фактами предшествующего сообщения («лутичи», «улутичи»), есть основания говорить о возможных разновидностях этнических представлений, отражаемых летописями.

Оставив рассмотрение вопроса об «уличах», отметим два последующих одиночных упоминания «тиверцев». 907 год: «Де олегъ на грѣкы... ПоѸ же множество ВарѸгъ. и Словѣнь... и Дульбы. и Тиверци. Ѹ же суть толковины. си вси звахутс ВеликаѸ Скуфь». [Ипат. лет. 11 об., в Лавр. лет. — пропуск]. Особенности лексико-семантических связей, заключительная приписка опять отъединяют улочских соседей, определяя их юго-западную отнесенность. И наконец 944 год: «Игорь совокупи... Кривичи. и Тиверци. и Печенѣгы наѸ». [Ипат. лет., 18; Лавр. лет. 10 об.: Тѣверць; Радзив. лет. 22: Тивиреци]. В этом перечне тиверцы представляют южную область рекрутской повинности (соседство с предшествующим этнонимом «кривичи» можно объяснить сокращенностью реестра по сравнению с аналогичным походом Олега).

II. Этим летописный банк данных не исчерпывается. В летописном корпусе выделяется другая группа памятников, в которой обнаруживается только один сходный по форме этнический знак и отсутствует второй член микросистемы. Однако и этот знак отличается двумя существенными качествами: иными структурными связями и сферой функционирования. Его линия бытования очерчена другими памятниками: Новгородской I и отчасти Софийской I летописью (см. также Никоновскую лет. — далее Никон. лет.). Отличие уже в том, что их дохронологические разделы не дают толкования имени «улочей», т. е. этноним не представлен в не осложненном социальными признаками виде. Впервые это имя упоминается позднее (в хронологическом ключе), уже при Игоре, причем в отличие от «второго сообщения» предыдущей группы, употребляется не единожды, но несколько раз и в разных формах.

Под 852 годом Новг. I лет. [Соф. I лет. 7об. — 862 г.] появляется фонетически и морфемно иная, не встречающаяся в рассмотренном материале форма — угличи. Вместе с тем среди вариантов обнаруживается словообразовательное отличие — угльче [Новг. I лет.].

Тексты этой группы содержат структурные различия: этноним вступает в межсловесные смысловые оппозиции иного качества. Его семантика уже не определяется взаимодействием с этнонимом «тиверцы» (по причине неизвестности последнего в этих летописях). Знак тесно сближается с днепровским этнонимом «древляне» (по социально-политическому признаку). Данной степени взаимодействия не обнаруживали тексты вышерассмотренной группы: «и владѣюшѸ ПолѸми. и бѣша ратнѸи съ ДревлѸны и с Уличи» (Соф. I лет.: «и начаша владѣти»). Таким образом, рассматриваемый этноним несколько не отделен от

названия «древляне», что имело место в предыдущей группе (см. выше), но составляет с ним одно смысловое целое, обозначая единовременный объект киевской экспансии. Нетрудно заметить структурное тождество данной конструкции: она как бы образована путем замены этнонима «тиверцы» на этноним «древляне». Однако новгородская структура отличается от киевской и порядком следования элементов-этнонимов; он тоже представляется не случайным, а зависящим от того континуума, в который включаются микроструктуры этнонима «уличи». В отмеченной новгородской конструкции видна явная привязка к днепровскому региону, причём, очевидно, не к низовьям Днепра. Выявленное включение этнонима в днепровскую этнополитическую орбиту повторяется в структуре названных источников и далее под 922 годом, где «уличи» образуют аналогичную связь с этнонимом «древляне»: «Игорь же съдѣлаше в Киеве княже и воюя на Древлѣны и на Угличе» [Новг. I лет.].

Итак, общая характерная черта второй линии летописного корпуса состоит в том, что этноним «уличи» не обнаруживает в ее сюжетах не только устойчивых признаков, но даже ассоциаций с Юго-Западом. Поэтому взятые в целом новгородско-софийская и киевско-низовская концепции этнонимов «уличи-угличи» не образуют понятийной корреляции. Новгородско-софийские формы угличи/уличи можно соотнести лишь с той разновидностью киевско-низовской концепции, которая содержала явный разрыв парадигмы этнонима, где (при формах «лутичи, улутичи» первого сообщения) имеют место формы «суличи, посуличи» второго сообщения об этносе, указывающие на возможную связь некоторых этнических представлений, отразившихся в летописях, с Днепром.

Однако при отсутствии сюжетного обоснования у новгородского летописца все-таки было какое-то представление о другой географической зоне: древний писатель посчитал нужным сказать о попадании днепровского этнонима в юго-западный район. Следом за приведенной цитатой годовая запись Новг. I лет. вдруг завершается историко-географическим разъяснением: «И бѣша съдѣлаше Улицѣ по Днѣпру внизъ. и посемъ приидоша межи Бѣ и Днѣстръ. и седоша тамо». Таким образом, существование этнических знаков на Днестре и на Днестре объясняется вынужденной миграцией племени.

Многие современные ученые согласны с новгородским сообщением о передвижении уличей с Днепра на Днестр; собственно, на этом строятся трактовки в рамках всех дисциплин. Однако следует подчеркнуть, что причину миграции в Днестровский бассейн новгородский повествователь объясняет не посторонними силами, но имманентными для восточнославянского мира факторами — натиском поля, а не кочевников. Данной причине соответствует и хронологическая отметка новгородского летописца: «и посем приидоша межи Бѣ и Днѣстръ», — говорит он после описания Свенельдова вояжа. Местоположение упомянутого в связи с уличами города Пересечена в точности не определено, хотя его принято соотносить с Днепром¹⁸.

Это естественная — внесюжетная — ассоциация улического этнонима с Юго-Западом в северном секторе летописного корпуса. Кроме этой запоздалой ремарки, проскользнувшей в композиции летописного рассказа, новгородский текст событийно никак не связал уличей с Поднестровьем-Подунавьем, отмеченным предыдущей группой источников. Отсутствуют в северно-русском изложении и структурные связи уличи-тиверцы, установленные выше по структуре других летописей. Со словообразовательной точки зрения обращает внимание переход от употреблявшейся перед этим формы «уличи» к форме «улицѣ» при упоминании Юго-Запада.

Структуры текстов формируются под влиянием различных факторов. Так, типовые черты текстов могут быть обусловлены системами этногеографических координат, заложенных в летописании. Они сообщают этническому знаку неко-

торые различия в содержании. В частности, отмеченные черты Новгородских летописи (подобные в Никон. лет.) побуждают думать о специфической тождественности на этнический знак прежде всего со стороны его территориальной отнесенности¹⁹, новгородский знак маркирован формой «угличи».

Если принять во внимание обнаруженные ипостаси этнического знака в памятниках отмеченных групп, то получают некоторое объяснение явления варьирования. Так, при первом упоминании перед годовыми записями этноним фигурировал в форме «улучи» и соотносился с юго-западным районом (с первой группой). Данным образом знак представлен не в одной, а в нескольких редакциях «Повести временных лет», что дает основание говорить об известной традиции, не сводимой только к случайностям орфографии. При втором хронологическом упоминании, где этноним сопредельен днепровской стихии (он не сливается с ней, как мы видели, в отличие от новгородско-софийских представлений), форма «улучи» не употребляется ни одним из этих списков. При втором употреблении этнического знака эти летописи переходят к другим формам, причем не только к форме «уличи». Неправоммерно проходить мимо форм «суличи», «посуличи». В них также просматривается отдельная этнографическая традиция (речь идет о принципах номинации вне хронологической оценки).

Произведем словообразовательную группировку этнонимических форм в текстах памятников:

Лавр. лет.	оулучи.	— уличи
Ипат. лет.	оуличи/лутичи	— оуличи
Радзив. лет.	улучи/улутичи	— суличи
Акад. лет.	улучи	— суличи
Троиц. лет.	улучи	— посуличи
Соф. I лет.	лутичи	— угличи
Новг. I лет.	—	— угличи, уличи, уличи

Вместе со словообразовательным распределением этнографическая картина первой из выделенных групп (летописи, не помнящие о поляно-улической войне) распадается на две части, т. е. представленный в них набор знаков форм определяется двумя типами. Первый тип — отличительными выступают форма «улучи» и формы с корнем лут- (в двух случаях из трех они вторичны). Второй — киевская интерпретация знака — форма «уличи» и формы с корнем сул-.

Со вторым типом интерпретации этнического знака в «Повести временных лет» (но не со всеми употреблениями) увязываются новгородский этноним «угличи» и второе представление этнонима в Соф. I лет. также «угличи». Таким образом корреляция уличи-угличи — далеко не единственная в словообразовательной номинативной парадигме; во всей совокупности реальных форм летописных этнических знаков несколько противопоставлений, лингвистических и нелингвистических.

Каково место формы «уличи»? Поле ее функционирования неоднородно. С одной стороны, она мельком сопутствует форме «угличи» в Новг. I лет., Соф. I лет., выдерживающая почти всегда одну с новгородской линию, отличается тем, что совсем не знает формы «уличи», называя только «угличей»; ее хронологическая форма «лутичи». Другая — основная, а не сопутствующая форма «уличи» — это второе упоминание племени в киевско-низовских летописях а также предхронологический экземпляр Ипат. лет.

Намечается распределение предметной отнесенности выделенных типов форм. Гнездо «улучи», как показывают структурно-семантические связи его единиц

текстах, тяготеет к юго-западному району, а гнездо «угличи» — к Поднепровью (при демонстративной отнесенности формы «суличи»). Форма «уличи» включена в обе сферы, но более тяготеет к первой.

Между типами есть несомненные сходства. Формальное сходство заключается в том, что большинство из всех единиц представляют морфемные структуры с формантом -ич-. Реализация этой модели объединяет не только формы редакций «Повести временных лет», но и обе названные группы памятников. Словообразовательная модель взаимосвязана с типом номинации (ср. в разных летописях: «угличи» — Угла, Угол, «суличи» — Сула), где очевидна опора на топонимы и вообще связь с географическими представлениями. Таким образом, наблюдается схождение обозначенных линий и в общем, географическом, принципе номинации²⁰.

Анализ сферы реального функционирования, сопоставление текстовых форм и структур показывает, что знак может не укладываться в отдельную сложившуюся схему исследовательских операций. В конкретных структурах текстов порою предстает не «монолитный», а более сложный набор явлений, и невозможно только одно из них признать «главным» или по преимуществу характеризующим.

Иллюстрацию семантики имени в древних текстах уместно завершить сравнением с западной словесностью. Памятник IX в. «Баварский Географ» упоминает этноним, созвучный одному из рассмотренных — Unlizi (исследователи признают в нем улицей), и разъясняет его: «многочисленный народ, (у которого) СССХVIII городов» (пер. с лат.). Этот народ замечен неизвестным баварцем на Дунае. Обращает внимание весьма большое по сравнению с другими племенами в этом памятнике число городов — 318, а следовательно, большие численность народа и занимаемая территория. Unlizi были скорей большой группировкой, чем небольшим племенем, и потому не могли размещаться в слишком ограниченных пределах. Среди их окружения баварский памятник не видит этнонима, похожего на днепровский «древляне». Unlizi мало похожи на новопоселенцев в указанных им краях. Кроме того, это может быть не единственная перекликающаяся форма даже в рамках данного небольшого источника²¹. Столетием позже византийский источник называет соседей днепровской «страны России» ουλτινος και Δερβλεμινουο και Λενξενιουο... [Конст. Багр. Об упр., 37].

Примечания

¹ Агеева Р. А. Страны и народы: происхождение названий. М., 1990. С. 45.

² Федоров Г. Б. Население Прутско-Днепровского междуречья. М., 1960. С. 69 и др.

³ Седов В. В. Восточные славяне в VI—XIII вв. М., 1982. С. 132.

⁴ Хабургаев Г. А. Этнонимия «Повести временных лет». М., 1979. С. 153.

⁵ Надеждин Н. И. О местонахождении древнего города Пересечена//Зап. Одесского об-ва истории и древностей. Одесса, 1844; ср. Седов В. В. Указ. раб. С. 130.

⁶ Барсов Н. П. Очерки русской исторической географии. Варшава, 1885. С. 97.

⁷ Трубачев О. Н. О племенном названии «уличи»//Вопр. славянского языкознания. М., 1961. С. 188 (со ссылкой на С. М. Середовина).

⁸ Рыбаков Б. А. Уличи//Краткие сообщ. Ин-та материальной культуры. XXXV. М., 1950. С. 6—11.

⁹ Лециевич Л. Летописные поморяне//Древности славян и Руси. М., 1988.

- ¹⁰ Kiparski V. Über die Betonung altrussischer Volkernamen//Scando-Slavica. 1958. IV. S. 263; См. также: Надеждин Н. И. Указ. раб.
- ¹¹ Трубаев О. Н. Указ. раб. С. 186—190.
- ¹² Хабургаев Г. А. Указ. раб. С. 53—54.
- ¹³ Худаш М. Л. Про походження давньоруських етнонімів «дреговичі» й «уличі»//Мовознавство. 1981. № 5. С. 52—58.
- ¹⁴ Соловьев А. В. Русичи и русовичи//«Слово о полку Игореве» — памятник XII века. М.; Л., 1962. С. 276—299.
- ¹⁵ Хабургаев Г. А. Указ. раб. С. 155.
- ¹⁶ Попов А. И. Названия народов СССР. Л., 1973.
- ¹⁷ Трубаев О. Н. Указ. раб. С. 198.
- ¹⁸ Седов В. В. Указ. раб. С. 131.
- ¹⁹ Ср.: «Угличы были жители нынешней Бессарабии, именно нижней, степной ее части называвшейся углом. Но, подобно своим преемникам — печенегам, половцам и татарам, они не ограничивались этим углом, они простирались далеко в глубь степей, до Буга по крайней мере, как ясно указывает летописец. Но Буг, как известно, соединяется с Днепром..., где их должны были в первый раз заметить киевские руссы, путешествовавшие Днепром до Греции». См. Надеждин Н. И. Указ. раб. С. 253.
- ²⁰ Ср.: «В старину изгибы морских берегов, заливы, лиманы обыкновенно назывались луками или углами, лукоморьем..., следовательно, под именем угличей разумелось племя, жившее в лукоморье, у морского залива, будь то в низовьях Днепра или другой какой-нибудь реки; что угличы были именно лукоморские жители, на это указывает другая форма их имени — улочи...». См. Соловьев С. М. Соч. Кн. 1. История России с древнейших времен. Т. 1—2. М., 1988. С. 270.
- ²¹ Херрманн И. Ruzzi, Forsderer, Fresiti. К вопросу об исторических и этнографических основах «Баварского Географа» (первая половина IX в.)//Древности славян и Руси. М., 1988. С. 163—168.

The Structure of the Written Sources and Semantics of Ethnic Signs («Ulichi» and «Tivertsy»)

The article focuses on a much discussed subject of ancient ethnonyms, though the approach adopted is not traditional: the ethnonyms are analysed not individually, but as parts of a specific system of the ethnic markers.

The outline of the intrasystemic relations permits the author to find more accurate representation of the functioning of ethnonym as well as to create possibilities for their new „readings“.

The other focus of the article is hermeneutic analysis of intra-textual ethnonym distribution and their mutual situation in geographical space. The juxtaposition of these two types results in more reliable geographic location of the ethnonyms.

V. N. Shaposhnikov

© 1994 г. ЭО, № 5

А. С. Герд

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ЭТНОЛИНГВИСТИКИ

В кругу гуманитарных дисциплин этнография и языкознание традиционно стоят рядом. О необходимости учета этнографических данных в диалектологии писали классики русского языкознания А. А. Шахматов, Н. П. Гринкова, Б. А. Ларин¹. В трудах Ф. Боаса, Э. Сепира этнолингвистика зародилась как ветвь антропологии в американском понимании этого термина².

В последнее время данному понятию был придан несколько иной смысл в трудах Н. И. Толстого³. Воздерживаясь от детального обсуждения предмета и всех аспектов современной этнолингвистики, отметим лишь основные направления, которые, бесспорно, связывают языкознание и этнографию. Это